

18+

Юрий Иванович Видинеев
Аркадий Юрьевич Видинеев

В ПЛЕНУ НЕСКОНЧАЕМЫХ ДИСБАЛАНСОВ

Юрий Видинеев

**В плену нескончаемых
дисбалансов**

«Издательские решения»

Видинеев Ю. И.

В плену нескончаемых дисбалансов / Ю. И. Видинеев —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-700335-3

В этой книге собраны рассказы короткие, как телевизионные клипы. Такой формат наиболее соответствует темпу нашей нынешней жизни, а кроме того позволяет на небольшом количестве страниц разместить как можно больше различных тем и жанров, включая современную прозу, мистику и фантастику. Приятного Вам прочтения!

ISBN 978-5-00-700335-3

© Видинеев Ю. И.
© Издательские решения

Содержание

Закоренелая злость	6
Меня зовут Заикой	9
Конец ознакомительного фрагмента.	11

В плену нескончаемых дисбалансов

Юрий Иванович Видинеев
Аркадий Юрьевич Видинеев

Обложка Freepik

© Юрий Иванович Видинеев, 2026

© Аркадий Юрьевич Видинеев, 2026

ISBN 978-5-0070-0335-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Закоренелая злость

В нескольких письменных источниках воспроизводится разговор, состоявшийся однажды между императором Николаем Первым и Андреем Андреевичем Шрёдером — знаменитым российским государственным деятелем, дипломатом и записным остроумцем.

Император спросил у Шрёдера, отчего тот не женится?

— Я никогда не мог бы позволить себе ослушаться Вашего величества, — ответил Шрёдер.

— Как же так?

— Вы Ваше величество, строго запрещаете азартные игры, а из всех азартных игр женитьбы самая азартная.

*

Новое время рождает и новые отговорки, иногда не менее остроумные, но Николай по-офицерски прямолинеен. На вопрос о том, почему он в свои сорок лет до сих пор неженат, он наливается мрачной угрюмостью и с трудом выдавливает из себя:

«Да потому, что все они»

Как можно говорить обо всех, имея ввиду лишь одну?

А ведь в пору своей офицерской молодости Николай был удачливо влюбчивым, характер имел лёгкий, отходчивый, обид на девушек не держал. Бывало идёт он по улице, сияя блеском сапог, золотом офицерских погон, юбилейной медалью и наградными значками, а следом кучкуются девчата, каждая из которых хотела бы выйти замуж за такого, как он, красавца.

Как-то выскакивает одна из такой девичьей стайки, забегает вперёд перед Николаем, а потом возвращается к подругам и притворно хохочет:

«Да у него два просвета! Один на погонах, а другой — в голове!!»

Девчата дружно смеются, а Николаю тоже весело от их смеха. Ну точно, как в старинной русской песне:

Выйду на улицу, гляну на село,
Девки гуляют, и мне весело.

Не знал тогда Николай, что он совершеннейший однолюб.

*

Его избранница была ужасной недотрогой. Таких прежде Николаю не попадалось. Его это не отталкивало, от неё, потому что она, отстраняясь от его попыток приласкать её шаловливыми ладошками, уговаривала:

«Не надо с этим, Коленька, спешить. Вот поженимся, тогда я вся твоей буду, а пока потерпи, торопливый ты мой!»

И Николай послушно терпел.

А как ему не терпелось!

Будущая тёща осыпала Николая комплиментами. Известно, что мужчины к комплиментам по отношению к себе непривычны. Девушки приспособились защищаться от комплиментов повышенной настороженностью («Знаем-знаем, к чему вы все этими ласками подбираетесь!»), а мужчины простодушны и доверчивы: им-то чего терять, если женщины с той же целью ключики к ним подбирают ради своих дочурок? И Николай простодушно таял от обещаний своей Эммочки о том, что после свадьбы «вся его она будет» и от того, что будущая тёща не змея ядовитая, а добрая фея, а значит, его ждёт блаженство впереди.

И вот, всё случилось, будто по волшебству: томительное воздержание от обладания сказочным сокровищем — телом незнакомки Эммочки — приходит к концу. Завтра — свадьба!

Последняя томительная ночь.

...И утро...

Ужасное утро!

Ранний звонок в дверь. Николай торопливо вскакивает с постели:

«Неужели подъём по тревоге! Это в такой-то день!»

В открывшуюся дверь чёрным вихрем врываются Эмма и её мамаша со шлейфом тяжёлой беды.

— Коленька! Ты должен это знать! Эммочка — безвинная жертва пятерых негодяев! Ей было шестнадцать лет, когда они подловили её в тёмном безлюдном месте и зверски над ней надругались! Не побрезгуй ею из-а этого! Нет в том её вины! — валится Николаю в ноги его будущая тёща, целует его колени. А Эмма, молча заливаясь слезами.

Слёзы, вот-вот затопят всю квартиру.

Николай наливается тёмным гневом:

Какой мерзкий спектакль!

Если бы всё было сделано честно, если бы такое объяснение произошло перед тем, как подавать заявление в ЗАГС, разве бы он не понял? Разве бы побрезговал невинно осквернённой девушкой? А теперь? Лживые притворщицы выждали того часа, когда не всякий сможет отменить уже накрытые к свадебному торжеству столы в самом дорогом ресторане, когда поздно обзванивать гостей, когда все ставки уже сделаны и остаётся лишь смириться с проигрышем перед хитрыми и подлыми шулерами.

«Вон из моей квартиры!»

Видеть вас больше не желаю. Вы плохие актёры и бесчестные люди!»

*

Окаменело с той минуты сердце у Николая. Только с той горькой минуты он поверил в грязные налёты и в сплетни о своей незнакомке Эммочке о том, что она — добрая душа — одному лишь ему отказывает, а остальным она вся нараспашку.

На свою беду Николай оказался совершенным однолюбом. На той одной для него клином сошёлся весь белый свет. На той одной весь белый свет превратился для Николая в непроглядную тьму.

Конечно, не «все они». Но Николаю этого теперь уже не понять. Он закоренелый холостяк. В нём навечно теперь застыла его закоренелая злость.

Меня зовут Заикой

Наше село, разрастаясь вдоль реки Ворона, придвинулось к старому лесу. Места в том лесу были разные: и грибные, и ягодные. Туда наша мальчишеская ватага ходила собирать грибы-ягоды в сопровождении нашего бесстрашного атамана Геныча, бравшего с собой в эти лесные походы старенькую дедову двустволку и пригоршню патронов, начинённых зарядами против медведя и волка. Но и медведь, и волки — звери умные. Охотники говорят, что эти звери умеют заранее предвидеть все события, которые могут последовать из той или иной ситуации, поэтому не было случая, чтобы они на нас нападали: нас много и с нами всегда наш храбрый атаман, вооружённый грозным оружием.

Геныч, при всей его храбрости, никогда не красовался перед нами бесстрашием. Он был безразличен к похвалам и восхищениям, его отличала от нас какая-то взрослая степенность, хотя по возрасту он был всего на два года старше всех остальных постоянных членов его команды. Его бесполезно было пробовать «на слабо», склоняя к необдуманной браваре.

— Храбрость кончается там, где начинается пустое и глупое безрассудство, — поучал нас Геныч.

— А, как же «Песня о соколе» Максима Горького? Там воспевается «безумство храбрых!» — думал я, мысленно не соглашаясь с нашим Генычем.

— Геныч, а это правда, что в полночь возле Чёртова Дуба собирается всякая нечисть, а потом расходится по всей окрестности, чтобы охранять разбойничьи клады? — спросил его однажды Спирька по прозвищу «Метр с кепкой».

— Так старики говорят. Им можно верить, можно и не верить, но само место возле Чёртова Дуба плохое, там и в дневное время ни добрых птиц, ни нормального зверя не встретишь. Только старый чёрный ворон там кружит, когда человека вблизи заметит, да дурная рысь постоянно навевается туда, потому что она, как и домашняя кошка питается плохой энергетикой, — строго глянул на Спирьку Геныч, будто бы предостерегая и его, и всех нас от желания проверить свою храбрость ночным походом к Чёртову Дубу в самую страшную полночь.

Мне бы тогда, как и остальным, прислушаться к умному Генычу, но я был глуп по части здоровой осмотрительности, и меня то предостережение только лишь раззадорило.

— Давай поспорим на то, что я в самую страшную полночь окажусь возле чёртова Дуба и засуну в его дупло свою зимнюю шапку, а днём мы вместе с тобой придём туда и мою шапку из дупла его вынем? — предложил я Спирьке, как самому боязливому среди нас.

— Давай, — вдруг охотно согласился «Метр с кепкой», избегавший всякого риска, но обожавший наблюдать за чужой рискованностью со стороны. — Только до леса мы дойдём с тобой вместе, я останусь там возле большого камня, а ты сходишь к дубу один, потом мы вместе отправимся в наш двор и посидим до утра у нас на сеновале, а утром вместе пойдём и заберём из дупла твою шапку. Тогда я точно буду знать, что ты меня не дурачишь.

Одна дурная голова — это беда, а две дурные головы — это беда в квадрате.

С вечера мы со Спирькой вместе отправились спать на его сеновале. Его и моих родителей это не удивило: в нашем селе это дело обычное, когда дети кучкуются на ночёвку то в одном, то в другом дворе. А мы не спали, дожидаясь урочного ночного часа, чтобы успеть во время дойти до леса, а оттуда успеть мне к полуночи добраться до Чёртова Дуба. Небо

с вечера заволокло сплошной облачностью, низовой ветер порывами взвихривал дорожную пыль, в чьём-то дальнем дворе, будто предвещая покойника, жалобно завывала собака.

Ночь, как по заказу, выдалась не просто страшной, а зловещей.

— Может быть не пойдём? Чует моё сердце беду, — малодушно промямлил Спирька, которому даже у камня перед входом в ночной лес не хотелось сидеть одному в такую бесприютную ночь.

— Ну уж нет! Решили идти, значит пойдём! Что мы, трусы?

Не всякий трус готов признать себя таковым. Наш «Метр с кепкой» не был к этому готов. Он пересилил свой страх, и мы отправились в этот роковой для меня поход.

*

До большого камня перед входом в лес мы со Спирькой дошли, подбадривая друг друга. Я пытался шутить, но у меня это получалось плоховата, а Спирькин ответный смех был похож на блеяние испуганного ягнёнка. Усевшись возле большого камня, Спирька, боясь оставаться там в одиночестве, вновь начал отговаривать меня от моего похода к Чёртову Дубу:

— Одумайся, Ваньша, кончай дурить! Поиграли в героев, и хватит!

У меня самого тоже разыгралось нехорошее предчувствие. Один на один с собою, я бы прислушался к голосу собственной интуиции, но опозориться перед Спирькой я не мог.

— Если я через час не вернусь, не жди меня. Уходи, — предупредил я Спирьку и, не оглядываясь, углубился в лесную чащу, подсвечивая дорогу фонариком.

Неприятности начались с самых первых шагов. Обступившая меня вокруг светового пятна от фонарика тьма, тянула ко мне цепкие когтистые лапы, отталкиваемые электрическим светом. Под ноги мне кидались обломки сухих сучьев, напряжённая тишина давила на уши с такой невероятной силой, что малейший звук мог разорвать мне сердце. Минуты превратились для меня в вечность, а вечность — в адскую муку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.